

JAMES
ALDRIDGE

THE HUNTER

THE HUNTER

by **JAMES
ALDRIDGE**

117

FOREIGN LANGUAGES
PUBLISHING HOUSE
M O S C O W · 1 9 5 8

Предисловие М. В. Урнова
Комментарий И. М. Кулаковской
Художник А. Е. Голяховская

Перепечатано с издания: *The Hunter* by James Aldridge.
Printed in Great Britain by Stephen Austin and Sons,
Limited, Hertford for John Lane the Bodley Head Limited. London. 1950.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Охотник» (The Hunter; 1950) озадачил критиков. Предшествующие книги Дж. Олдриджа — романы «Дело чести» (Signed with Their Honour; 1942), «Морской орел» (The Sea Eagle; 1944), «Дипломат» (The Diplomat; 1949), сборник очерков «О многих людях» (Of Many Men; 1946), пьеса «49-й штат» (The Forty-ninth State; 1946) — захватывают жизнь в ее бурном кипении, с ее жгучими политическими и социальными конфликтами и борьбой. Все они — живой отклик на события современности. В сравнении с ними повесть о канадских звероловах могла вызвать мысль, а не отклонился ли Олдридж от избранного им и уже четко определившегося творческого пути.

В полемическом обсуждении «Охотника» подобные недоуменные вопросы отпали, а сохранившиеся расхождения во мнениях не столь значительны, чтобы оказывать серьезное влияние на читателя: он продолжает читать эту книгу, испытывая признательность к ее автору.

Олдридж принадлежит к числу писателей, остро чувствующих суровый драматизм нашего времени. Его убеждения формировались в условиях идейного подъема у прогрессивной английской интеллигенции, связанного с антифашистской борьбой в Испании. Они определяются на фронтах второй мировой войны. Олдридж — представитель поколения, которое больше других участвовало в минувшей войне и более всего из-за нее пострадало. Когда начались военные события, ему было всего двадцать один год. В качестве военного корреспондента он побывал на фронтах Африки, Среднего Востока и многих европейских стран. Он видел разрушение и смерть, зверства фашистов, чудовищные предательства со стороны правящих кругов капиталистических стран. Но он видел и мужество простых людей, отважную борьбу народов, не желающих жить в рабстве, и беспримерный героизм Советской Армии, видел, следуя за ее частями, ломавшими вражеское сопротивление. Ему чуждо со-

стояние отчаяния или бесплодного скепсиса. Он весь активность: это не только черта его характера, но и жизненный и творческий принцип.

Герои его произведений втягиваются в вихревой круговорот жизни, становятся участниками трагических событий, судьба не раз ставит их на край пропасти, некоторые из них гибнут, но те, кто остаются в живых, выходят окрепшими из испытаний. Они знают цену жизни, знают радость существования и верят в человека. Напряженность и политическая острота социальных конфликтов способствуют их самоопределению, их достоинство и твердость характера — выбору правильного пути.

В повести «Охотник» Олдридж не затрагивает острых политических вопросов и, на первый взгляд, не концентрирует внимания на актуальных проблемах современности. В настоящей повести изображены быт и труд охотников за пушным зверем, живущих в канадских лесах у берегов Гурона. Олдридж описывает только самое непосредственное окружение своих персонажей и помещает их в обстановку, в которой едва видны приметы времени. Однако его книга написана с расчетом на конкретное время. «Охотник» не политическая и не социальная повесть в обычном понимании этого термина, но она дает основания делать и социальные и политические выводы. Пафос повести определяют ее этические идеи. Образы проникнуты философским раздумьем. Это раздумье о характере жизненного процесса, о драматизме человеческой жизни, о плодотворных возможностях человека, о его нравственной сущности... Это раздумье отнюдь не созерцательно, оно полемично.

«Охотник» написан с учетом тлетворного влияния новейшей упадочнической литературы и антиобщественных настроений в среде современного молодого поколения на Западе. Эта повесть обращена против книг, страницы которых заполнены детальным описанием деградации человека, подрывающих веру в человека и в светлые перспективы. Она указывает на никчемность и вредную слепоту эскепистов, продолжающих призывать к бегству от действительности и, в частности, к бегству «на лоно природы». «Охотник» направлен также против настроений тех молодых англичан, которые, по словам автора, «потеряли вкус к жизни». Олдридж освещает тему духовного распада и одичания человека в условиях кризиса капиталистического уклада жизни, но он пишет с трезвым чувством реальности и с уверенным оптимизмом.

Жизнь зеролова Роя Мак-Нэйра — героя книги — и его товарищей по ремеслу отнюдь не лесная идиллия: это и тяжелый труд,

требующий большой сноровки, знания дела, огромной выносливости, и «трепка нервов», скромные, порой сомнительные радости, и самые мрачные перспективы. Перед ними открылась черная полоса и не временных неудач, а неотвратимого бедствия: лесные участки истощены, зверь нещадно истребляется, в обход закона и вопреки здравому смыслу, исчезает сама основа существования трапперов. Все рушится вокруг Роя Мак-Нэйра. Идет процесс, который вначале исподволь, а потом все более определенно и наглядно крушит привычные отношения и связи, ломает человеческие судьбы, калечит души, коверкает характеры; утрачивается чувство человеческой общности, люди становятся замкнутыми одиночками, дичают. Потерял человеческий облик Энди Эндрюс, друг юности Роя Мак-Нэйра. Некогда «неуемный озорник», «бешеный силач, восторженный горлан»¹, он превратился в отребье человека. Сломился и струсил фермер Сэм Мак-Нэйр, брат Роя. Бездеятельный, никчемный, опустившийся, он бежал, бросив все — семью, землю, дом. Одичали, утратив чувство добра и зла, Мэррей и Зел Сен-Клер. Мэррей превратился в отщепенца и лесного бродягу, и ему «решительно все равно, что он делает, все равно, что попадалось ему на мушку: птица, зверь или человек». Зел Сен-Клер стал хищным браконьером и мошенником, в нем гнездятся подленькие страсти.

Варварство этого разрушительного процесса становится еще отчетливее, когда рядом с Мэрреем и Эндрюсом возникают в памяти Стоун и Сарандаки, персонажи «Морского орла». Мощные их фигуры говорят об огромной силе. Но как контрастны их облики, их поступки, судьбы. «Славный рыжий великан» Стоун и «сказочный джин» Сарандаки — участники движения народного сопротивления. Они испытывают необычайный душевный подъем и проявляют мужество и отвагу, свидетельствуя о богатырской мощи народа. Они гибнут, их гибель трагична, но не напрасна, она вызывает к борьбе, вдохновляет и мобилизует боевые силы. Не то с Мэрреем и Эндрюсом. «В иные, более героические времена из Мэррея мог выйти исследователь новых земель, человек, который мог проложить путь, найти несметные сокровища, открыть континент и не придать особого значения своему открытию». Затхлая рутина, удручающая бесперспективность оставили на внутреннем облике Мэррея и Эндрюса неизгладимое клеймо. Он располагает огромной физической силой, но это сила зверя, не человека.

¹ Д. Олдридж «Охотник». Перевод И. Кашкина. Издательство иностранной литературы. М., 1954 (и в дальнейшем цитаты будут приводиться по этому изданию).

Рой Мак-Нэйр оказывается перед лицом тяжких испытаний: его давит атмосфера общего краха и запустения, гнетут личные неурядицы, тревожит судьба друзей и близких. Он не может осмыслить неумолимый процесс, видит только, что «процесс идет» и что ему и всем им «крышка». Хотя Рой «всегда жил в мире реального», он смутно представляет себе действие социальных сил. По-видимому, его повседневный опыт был слишком ограничен и замкнут с тех самых пор, как в первую мировую войну он выбрался из окопов. Мысль Мак-Нэйра едва улавливает связь между «единственным кирпичным зданием в Сент-Эллене» (зданием банка) и бесплодием окрестных земель, трагедией индейца Боба, крахом семьи Мак-Нэйров и многими другими очевидными для него и не менее мрачными явлениями, вызывая в нем лишь «слепое раздражение». В его отяжелевшую голову пробивается «ясность Джека», но сама эта ясность и практические дела этого фермера, о которых упоминается вскользь, выглядят как отчаянные попытки частичного благоустройства жизни в обездоленном Сент-Эллене. Они указывают на силу и стойкость характера, на деловитость, трудолюбие и благие намерения Джека, верного друга Роя, но не определяют исхода победы живых сил, противостоящих в Сент-Эллене процессу распада. И все же «ясность Джека, который никогда не сдается», укрепляет волю и решимость Роя к сопротивлению. В нем самом идет процесс, такой же неотвратимый, мало осознанный, драматичный, но плодотворный. Из внутренней тревоги и напряжения возникает протест, крепнет дух самостоятельности. Рой Мак-Нэйр определяет свое отношение к Мэррею и Сен-Клеру, круто сворачивая с дороги, на которую ступил было с ними, поддавшись отчаянию. Он совершает свой мужественный поход «назад к людям», чтобы избежать «гибельного одиночества, разложения и распада». Рой Мак-Нэйр обрывает свой длительный философско-этический спор со Скотти, укрепляясь в своем трезвом взгляде на жизнь. Он разрешает мучившую его морально-психологическую проблему, связанную с любовью к Джин, жене Энди Эндрюса. Рой возвращается к суровой реальности, бросает вызов запутанным обстоятельствам, и пропадает его страх перед ними и вечная, гнетущая тревога. В конечном счете победу в нем одерживает жажда жизни и человеческой общности, трезвое мужество, спокойная самоотверженность и светлая, чистая вера в чувство дружбы и товарищества, в человека, в его силу.

Повесть «Охотник» — некоторые ее темы, определенная абстрактность их трактовки, интонация и манера психологической характеристики, особенно в пятой главе, когда опьяневшие трапперы

соревнуются в стрельбе — дает все основания для сопоставления: чувствуется живой интерес Олдриджа к Хемингуэю. Несмотря на ущербный драматизм в мироощущении, этот писатель «не потерял вкуса к жизни, умения радоваться дружбе, ценить ее»¹. Нравственно-эстетический кодекс Хемингуэя не терпит фальши, предполагает стойкость и мужество в испытании. Это-то и привлекает в нем Олдриджа. Он не хочет, чтобы автора «Фиесты» (Fiesta; 1926) смешивали с литераторами, питающими дух безверия и цинизма, считает необходимым противопоставить его таким литераторам. Но Олдридж не может удовлетвориться жизненной философией и морально-эстетическими требованиями Хемингуэя. Он видит их ограниченность и вносит в них принципиальные поправки. Писатель ведет спор с Хемингуэем на языке художественных образов, и Рою Мак-Нэйру отводится роль главного полемиста. Рой действительно выступает «пролагателем новых троп» (слова из эпитафии-посвящения), и он прокладывает их не только как охотник в лесных чащах, но и как человек в дебрях той жизни, которую символизирует Сент-Эллен. Этот простой человек обнаруживает поистине неисощимый запас энергии и непреклонную волю к жизни. Но он не только «весь мускулы и движение», им руководит нравственная потребность, он идет на явный риск и страшные испытания, чтобы быть человеком среди людей; свойственное ему чувство дружбы и любви озаряют его изнутри теплым и радостным светом; он отказывается от своего участка в пользу индейца Боба и делает это без позы, искренне и просто, без жалости к себе, без задней мысли. Рой Мак-Нэйр — именно это и отличает его от хемингуэевских героев — остро чувствует свою связь с человеческим коллективом, коллективом тружеников, и свою ответственность перед ним, и он не остается в заколдованном кругу настроений, связанных с ощущением бесплодности существования. Он способен свои интересы и свою мораль соотнести с интересами здоровой человеческой общности. Рой призывает не к мужеству одиночек, не потерявших на краю пропасти вкуса к жизни, а к мужеству, которое обязывает одиночек даже на грани отчаяния отстаивать на своем участке жизни то, что позволяет людям называться людьми. Он еще не знает, с кем и как надо бороться, но он делает все, что в его силах, чтобы быть человеком. Дайте ему, Рою, достойные условия существования или укажите путь к ним, откройте ему дорогу в будущее, и он со своей любовью

¹ Д. Олдридж «Раздумья о судьбах молодежи на Западе». Литературная газета. 1957, 16. V.

к труду, хозяйским отношением к делу, со своим горячим и трезвым чувством жизни, с присущей ему готовностью к подвигу и жертве изменит судьбу Сент-Эллена. О героях Хемингуэя этого не скажешь.

Повесть «Охотник», как и роман «Дипломат», обладает четкими жанровыми приметами, что не было свойственно ранним произведениям Олдриджа. Критики по-разному определяют жанр «Дела чести», «Морского орла» и «О многих людях». Два первых произведения называют то повестями, то романами, а книгу «О многих людях» — очерками, очерками-новеллами, просто рассказами и даже романом. Такой разноречивой, свидетельствуя о некотором безразличии критики к проблемам жанра, вместе с тем вызван своеобразием, определенной стилистической новизной этих произведений, а также недостаточной жанровой их цельностью. Например, широта замысла, эпичность темы, значительность событий, определяющих судьбу целого народа, позволяют называть «Морского орла» романом. Однако большая эпическая форма предполагает всестороннюю полноту раскрытия важной темы. С этим связан и объем произведения. А «Морскому орлу» присуща некоторая «камерность» изображения и лиризм повествования, почему иногда и говорят об этом произведении как о повести.

В даровании Олдриджа сочетаются эпико-драматическое и лирическое начала. Творческое воображение писателя воспламеняется от масштабных замыслов. Оно объемлет широкие пространства и большие события, в нем возникают образы войны и народных восстаний. И тут же оно сосредоточивается на душевном микрокосме, на деталях пейзажа и быта. И часто слышится интимная интонация автора.

Система художественных приемов Олдриджа довольно сложна, она развивается, меняется в зависимости от конкретной задачи, и что-то в стиле писателя еще не оформилось.

Так, в «Морском орле» Олдридж был настойчив и последователен в передаче внутреннего монолога и его подтекста, воспроизводил ассоциативное движение мысли, синтаксическое своеобразие внутренней речи. Разные формы связи повествования с речью действующих лиц, например, едва заметный переход от косвенной речи к прямой в контексте авторских высказываний, составляли характерную черту его стиля. Сливая свою речь с речью положительных персонажей, писатель обычно делал это, чтобы с одобрением отметить важные сдвиги в их сознании. Так проявлялось лирическое начало, внося в описание дух интимности. Все это сказывалось не только на стиле отдельных кусков и эпизодов, но и на структуре и эмо-

циональной окраске всего произведения. Попробуйте найти в «Дипломате» или «Охотнике» описание, подобное следующему.

«Он (Энгес Берк. — М. У.) пошел медленнее. Он довольно высоко взобрался и можно было не бежать. Теперь он то и дело оглядывался назад, но знал, что они едва ли найдут его, если только он будет все время подниматься вверх.

Вверх.

Он вдруг подумал о высоком Риде. Он понимал, что заставило Рида побежать очертя голову. Но это очень глупо, даже если боишься. Все бояться, но только тот, кто умеет одолеть свой страх, не попадет из-за него в беду. Не бояться, это значит просто уметь одолеть страх в себе. И тогда не побежишь вот так, очертя голову. Не беги Рид, все бы, может быть, обошлось. А так едва ли он ушел живым. Скорей всего они настигли его на той тропе. Скорей всего он так и бежал вниз по той тропе, и они настигли его там, где она сворачивала в лес. Бедняга Рид. Не батрачить ему больше на ферме в родном краю. Придется там, на ферме, управляться без него. Вниз бросился. И я тоже, но как. Одно мгновение, и я уже был внизу. А теперь я снова взбираюсь наверх и не скоро спущусь опять, из-за этой окоченевшей ноги. Вот что выходит, когда слишком погорячишься. Но когда идешь на такое, трудно не горячиться. А теперь я должен отыскать деревню, где живет этот медведь, этот седой критский медведь. А дальше куда? Почем я знаю. Как еще обойдется с ногой. Бедняга Рид. Славный малый, дурная голова»¹.

Для повествовательной манеры «Морского орла» этот отрывок достаточно показателен. Внешние события, не только частные но и определяющие ход действия, Олдридж нередко показывал сквозь восприятие главных персонажей, давая в рамках авторского высказывания их внутреннюю речь. Благодаря этому эпические картины и драматические сцены окрашивались у него в лирические тона. Когда этот процесс был органичным, к убедительности факта прибавлялся трезвый и решительный пафос автора, эмоциональное воздействие образа усиливалось, становилось более целеустремленным. Но порой что-то препятствовало слиянию объективного явления и авторской эмоции в живом образе. Передавая сложные и динамичные события через восприятие действующего лица, Олдридж иногда слишком сосредоточивался на психологических оттенках в стремлении донести до читателя эмоциональный подтекст — тогда дета-

¹ Д. Олдридж «Морской орел». Перевод Е. Калашниковой. Государственное издательство художественной литературы. М. 1958, стр. 28—29.

ли начинали заслонять целое, мешая рельефности и достоверности общей картины.

В «Дипломате» и «Охотнике» лирическое начало проявляет себя в иных формах, не столь наглядно, как в ранних произведениях. Оно сказывается в насыщенной теплыми тонами обрисовке положительных персонажей, в «повествовательных» или «драматических», с подтекстом, диалогах, за которыми чувствуется напряженное раздумье автора и его действенная полемичность, в пейзажных зарисовках, в разнообразии эмоциональных оценок.

Олдридж умеет глядеть на мир глазами простых людей, таких как Нис или Хаджи Михали («Морской орел»), сознательных борцов за свободу народа, и таких как Рой и Джин, человеческих, мужественных, самоотверженных, но еще далеко не осознавших сложности своего положения. Писатель не навязывает своим героям представлений, им не свойственных, не отвечающих логике развития их характеров. Изображая Роя, он хочет добиться предельной непроизвольности впечатления. Все должен объяснить живой образ. Рой увидел сову, застрявшую в развилке березовых стволов, и полевую мышь, выпущенную этим хищником, и то, как он распорядился ими, дает первоначальное представление о его точке зрения на «естественный процесс лесной жизни». Выстрел, убивший ласку — «только очередное выражение спора между Роем и Скотти».

В характеристиках действующих лиц Олдридж стремится воспроизвести образ их мыслей, в описаниях, например, в сжатом описании Сент-Эллена — выявить свое отношение к сообщаемым фактам в образной форме: «С окраин города и до самого озера Гурон небольшие ровные площадки были вздыблены и сдавлены мощными гранитными скалами, голыми, дикими; и редкие ели среди них насмешливо торчали, словно надгробья над жалкими клочками расчищенной земли». Или: «Захудалый, но цепкий городишко, продуваемый насквозь осенними ветрами, которые вгоняли его в дрожь». Это написано хорошо: просто, наглядно, убедительно, с ясной эмоциональной оценкой. И подобные описания щедро рассыпаны по страницам книги. Однако автору не всегда удается добиться единства этих качеств. Так, упоминавшийся эпизод главы пятой, вызывающий прямые литературные ассоциации, несколько риторичен, и основная его идея выражена недостаточно четко.

Замкнутый мирок Сент-Эллена, ограниченный опыт и кругозор Роя Мак-Нэйра, избранная автором манера изображения ставили его в узкие и жесткие рамки. Ему удалось в этих рамках осуществить цельный художественный замысел, волнующий читателя. По-

весть «Охотник» рисует драматичные процессы, но она полна оптимизма. Этот оптимизм исходит из здорового мировосприятия Роя: в нем есть сильное, разностороннее и глубокое чувство жизни и нет страха перед смертью — религиозного, суеверного, эгоистичного. Оптимизм исходит из трезвого взгляда на вещи и нравственной цельности, чуткости и стойкости Роя, способного на смелые душевные движения и решительные действия для того, чтобы отстоять достоинство человека. Оптимизмом веет от доброты Джинни и доброты Джека, уверенных в себе и готовых постоять за себя, и от того чувства уважения и симпатии к своим героям, которое так искренне и с таким тактом выражено писателем в этой содержательной и человеческой повести.

М. Урнов

CONTENTS

	page
Chapter 1	17
Chapter 2	45
Chapter 3	60
Chapter 4	70
Chapter 5	81
Chapter 6	101
Chapter 7	113
Chapter 8	123
Chapter 9	139
Chapter 10	146
Chapter 11	152
Chapter 12	168
Chapter 13	173
Chapter 14	181
Chapter 15	187
Chapter 16	191
Chapter 17	200
Chapter 18	219
Комментарий	235

THE HUNTER

To Roy himself—in his daily life
a trail-breaker,* a frontiersman,*
a man among men; and, like all
his kind, an ultimate victor over
human despair.

